

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СЛЕДОВАНИЯ И СЕМАНТИКА КЛАУЗАЛЬНЫХ ОПЕРАТОРОВ В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Н. А. Муравьев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 28 апреля 2015 г.

Аннотация: в исследовании рассматриваются обстоятельственные полипредикативные конструкции со значением следования в мокшанском языке. В типологии таксиса приводятся различные классификации частных значений следования, однако далеко не всегда данные значения имеют специализированные способы выражения. В мокшанском языке существует четыре различных конструкции следования, выбор между которыми обусловлен действием сложных семантических факторов. В настоящей статье рассматриваются мокшанские конструкции в свете попадания их в сферу действия различных семантических операторов в главной клаузе. Ключевым моментом работы является оценка семантической интегрированности главной и зависимой клауз в каждой из конструкций.

Ключевые слова: мокшанский язык, таксис, следование, семантические операторы, интегрированность.

Abstract: the paper deals with adverbial constructions with the meaning of temporal posteriority in Moksha. The constructions in question vary in respect to the aspectual properties of the main and the dependent verb as well as to certain semantic properties of the main clause. This work aims at analyzing the scope of semantic operators in the main clause (modal, habitual, negation) which have an influence on the interpretation of Moksha posterior constructions. The key concept of the study is the degree of semantic integration which is being measured on the basis of aspectual and modal coherence between the clauses.

Key words: Moksha, taxis, temporal constructions, semantic operators, clause integration.

Данная статья представляет собой продолжение начатого исследования [1], в котором рассматриваются таксисные конструкции следования в мокшанском языке. Следуя определению В. С. Храковского, будем называть таксисом категорию, «маркирующую временную локализацию (одновременность/неодновременность, предшествование, следование) одной ситуации P_1 относительно другой ситуации P_2 » [2, с. 20].

Проблематика таксиса затронута преимущественно в отечественных исследованиях [3–6], но также и в некоторых зарубежных работах [7; 8]. На настоящий момент нам известны лишь две классификации частных значений следования. Одной из таких классификаций является набор значений, выделяемый В. С. Храковским [2, с. 31] и упорядоченный на шкале по степени удаленности одной ситуации от другой:

Дистантное следование: ситуация P_1 следует за ситуацией P_2 через какой-то интервал после ее естественного завершения.

Контактное следование: ситуация P_1 следует непосредственно за ситуацией P_2 после ее естественного завершения.

Прерывающее следование: ситуация P_1 следует за ситуацией P_2 , прерывая ее. Ситуация P_2 переста-

ет иметь место под воздействием ситуации P_1 , а не прекращается естественным образом.

Другая классификация представляет перечень темпоральных значений, выделяемых в работе [7, с. 465]:

(Общее) следование («Posteriority»), before p, q): ситуация p просто следует за q во времени.

Точечное следование («Terminus ad quem», until p, q): p определяет точку в относительном будущем, вплоть до которой q имеет место.

Неоднократно отмечалась связь темпоральной семантики с глагольной акциональностью, а также сферой действия различных семантических операторов и разными другими частными факторами, на основании которых можно оценить степень интегрированности главной и зависимой клауз (ср., например, [8, р. 335–351; 9, р. 85–91]). В настоящей работе мы используем понятие семантической интегрированности для описания степени связанности семантики главной и зависимой клауз, отличая ее от структурной интегрированности клауз.

Как и в предыдущем исследовании [1], будет проанализирован материал мокшанского языка, собранный в селах Лесное Цибаево и Лесное Ардашево Республики Мордовия в 2014 г. В мокшанском языке имеется богатый инвентарь различных средств клаузуального подчинения, преимущественно специали-

зированных нефинитных форм, принимающих на себя показатели падежа и посессивности. В настоящей работе будет рассмотрен материал таксисных конструкций со значением следования, а также обобщены особенности их употребления и действие факторов, влияющих на их интерпретацию, перво-степенное внимание будет уделено проблеме семантических операторов в главной клаузе и их сферы действия.

Языковые примеры в работе представлены в системе транскрипции, разработанной для мокшанского языка в Уральской лингвистической экспедиции отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ, поскольку она, на наш взгляд, наиболее адекватно отражает фонетико-фонологические особенности мокшанского языка. Каждый пример сопровождается строкой поморфемного разбора (список сокращений приведен в конце работы) и перевода на русский язык.

Конструкции следования в мокшанском языке и их семантика

Основным средством выражения значения следования в мокшанском языке является форма инфинитива на *-mә* [10, с. 216; 11, с. 286–287; 12, с. 7; 13, с. 241–249] в сочетании с показателями локативных падежей (элатив, аблатив и иллатив) с обстоятельственной семантикой и посессивными показателями, которые указывают на лицо и число субъекта возглавляемой ими зависимой клаузы. Кроме того, для выражения таксиса следования используется конструкция с союзом *pәka* и отрицанием. Всего, таким образом, таксис одновременности и следования в рассматриваемых нами говорах представлен пятью следующими конструкциями (poss – условное обозначение показателя посессивности):

- аблативная форма инфинитива с послелогом **V-m-dә-(poss) + ingәl'ә**;
- финитная конструкция с союзом «пока» и отрицанием **pәka + NEG + V**;
- посессивно-иллативная форма инфинитива **V-mә-zә-poss**;
- простая иллативная форма инфинитива **V-m-s**;
- эквативная форма инфинитива **V-m-ška**.

Приведем ниже краткую характеристику каждой из форм с точки зрения выражаемых ими значений.

1. V-m-dә-(poss) + ingәl'ә

Аблативная форма инфинитива с послелогом *ingәl'ә* ‘перед, до’ выражает нейтральное значение следования зависимой ситуации относительно главной (1).

(1) *uz'әr'-әn' šova-m-dә ingәl'ә son zavtraka-s'* (топор-GEN точить-INF-ABL перед он завтракать-PST.3SG) ‘Перед тем как точить топор, он позавтракал’.

Семантическая нейтральность данной формы проявляется в неограниченной вариативности ситуаций с точки зрения аспектуальных свойств и дистанции между ними.

2. pәka + NEG + V

Финитная конструкция «*pәka + NEG + V*» калькирует русскую конструкцию «*пока не V*» со значением **предельного** (2) и **прерывающего следования** (3). Зависимая ситуация в таком случае всегда перфективная, имеет точечный характер и выступает в качестве ограничителя для имперфективной главной ситуации.

(2) *mon s'im-an lofc-tә pәka af s'imә-v-i* (я пить-NPST.1SG молоко-ABL пока NEG пить-PASS-NPST.3SG) ‘Я буду пить молоко, пока не выпью (букв. пока не выпьется)’.

(3) *son mol'-s' pәka iz'pra luža-t'i* (он идти-PST.3SG пока NEG.PST.3SG упасть-CN лужа-DEF.SG.DAT) ‘Он шел, пока не упал в лужу’.

Помимо этого, данная конструкция может употребляться и в разных других значениях, среди которых можно назвать значение **отрицательной одновременности** (4) и **намеренного избегания** субъектом зависимой ситуации (5).

(4) *pәka iz'koz-ә mon iz'-әn'maks-ә l'ekarstvә* (пока NEG.PST.3SG кашлять-CN я NEG.PST.1SG давать-CN лекарство) ‘Пока он не кашлял, я не давал лекарство’.

(5) *mon l'is'-әn'v'ir'-stә pәka iz'-әn' "er'gәd'-ә* (я выйти-PST.1SG лес-EL пока NEG.PST.1SG заблудиться-CN) ‘Я вышел из лесу пока не заблудился’.

3. V-mә-zә-poss

Конструкция с посессивно-иллативной формой инфинитива (*-zә-* – алломорф *-s-* в позиции перед показателями посессивности) является наиболее общей формой следования, которая выражает все основные значения: нейтральное (6), предельное (7) и прерывающее (8).

(6) *mad-әmә-zә-nzә id'-n'ә-s' jarca-s'* (ложиться-INF-ILL-3SG.POSS ребенок-DIM-DEF.SG есть-PST.3SG) ‘Перед сном ребенок поел’.

(7) *al'-әz'ivac'kaškәmә-zә-nzә* (отец-1SG.POSS кричать-PST.3SG охрипнуть-INF-ILL-3SG.POSS) ‘Отец кричал до хрипоты’.

(8) *min'oza-dә-l'-әmә morkš-t'vaksә son'sa-mә-zә-nzә* (мы сидеть-CONV.POS-PQP-PST.1PL стол-DEF.SG.GEN за:IN он прийти-INF-ILL-3SG.POSS) ‘Мы сидели за столом до его прихода’.

4. V-m-s

Конструкция с иллативной формой инфинитива на *-m-s* без показателей посессивности выражает семантику прерывающего, как в (9), и предельного, как в (10; 11), следования. Значение нейтрального следования данной формой не выражается.

(9) *d'ed'ə-t' sa-m-s it'-t'n'ə kol'ənc' t'* (мать-DEF. SG.GEN прийти-INF-ILL ребенок-DEF.PL играть:PST.3PL) 'До прихода матери дети играли'.

(10) *al'-əz' ivac' kaškəm-s* (отец-1SG.POSS кричать: PST.3SG охрипнуть:INF) 'Отец кричал до хрипоты'.

(11) *mon ežd'-in'ə ved'-t' laka-m-s* (я нагреть: PST.3.O.1SG.S вода-DEF.SG.GEN кипеть-INF-ILL) 'Я нагрел воду до кипения'.

Простой и посессивный варианты иллативно-инфинитивной конструкции также выражают значение **ограничительной одновременности** (12, 13), при котором главная ситуация имеет место строго внутри промежутка, ограниченного зависимой. Такая интерпретация конструкций возникает в случае, если обе ситуации имперфективные.

(12) *l'ij-əmə-zə-nzə mon p'id'-an užin* (лететь-INF-ILL-3SG.POSS я варить-NPST.1SG ужин) 'Пока он летит (на самолете), я сварю ужин'.

(13) *pin'ə-t' kird'-əm-s mon suv-an' kud-u* (собака-DEF.SG.GEN держать-INF-ILL я войти-NPST.1SG дом-LAT) 'Пока держали собаку, мы вошли домой'.

5. V-m-ška

Конструкция с эквативной формой инфинитива в своем прототипическом употреблении обозначает **степень проявления главной ситуации** (14), т.е. «так/настолько, что...» (значение «degree/extent» по [7, р. 466]), но также используются и в значении прерывающего следования.

(14) *mon ser'əd'-ən' mad-əm-ška* (я болеть-PST.1SG лежать-INF-EQU) 'Я так болен, что только лежу'.

(15) *jakšafc' val'me-t' s'olg-əm-ška* (холодать: PST.3SG окно-DEF.SG.GEN закрыть-INF-EQU) 'Стало холодно, и пришлось закрыть окно'.

Таким образом, в мокшанском языке имеется наиболее многозначная конструкция с формой на *-mə-zə*, которая выражает все значения зоны следования. Помимо этого, есть и более частные конструкции. Так, дистантное и контактное следование выражаются конструкцией с формой на *-mdə ingəl'ə*, а прерывающее и предельное следование – конструкцией с формой на *-m-s* и конструкцией *pəka* NEG V. Значение предельного следования также выражается при помощи формы на *-m-ška*.

Далее рассмотрим поведение каждой из форм в сочетании с семантическими операторами главной клаузы.

Взаимодействие семантики следования и семантики клаузульных операторов

Как уже было отмечено, семантическая интегрированность зависимой клаузы в главную также определяется тем, попадает ли она в сферу действия различных семантических операторов главной клаузы: модальности, отрицания, квантификации (например, хабиуталиса) и др. [9, р. 88, 90; 14, с. 48–51].

Соответственно, более интегрированными зависимыми клаузами являются такие, которые оказываются в сфере действия данных операторов, менее интегрированными – находящиеся вне этой сферы действия. Таким образом, располагая данными о сочетаемости анализируемых конструкций с глаголами различных акциональных классов, мы предположили, что конструкции с иллативной и эквативной формами инфинитива, как наиболее интегрированные, всегда входят в сферу действия вышеназванных операторов, а инфинитивно-последующая конструкция с *ingəl'ə*, как наименее интегрированная, – не входит в нее, тогда как клаузы с «*pəka* + *neg* + V» должны представлять собой некий промежуточный вариант. Для проверки данной гипотезы мы подобрали такие пары контекстов, в которых главная клауза остается той же, а зависимая клауза варьируется по каузальной связанности с главной ситуацией и по обязательности однократной интерпретации, о чем подробнее будет сказано далее.

1. Оператор ирреальной модальности

В работе А. Г. Пазельской и А. Б. Шлуинского, посвященной татарскому языку [14, с. 49–50], при анализе степени интегрированности главной и зависимой ситуаций рассматриваются случаи, когда глагол в главной клаузе стоит в разнообразных косвенных наклонениях: императиве, юссиве, гортативе и кондиционалисе. Для татарского дела обстоят следующим образом: в первых трех случаях говорящий может быть намерен инициировать либо выполнение только главной ситуации, либо выполнение и главной, и зависимой ситуаций сразу. В последнем условии для главной ситуации может быть либо только ситуация в кондициональной клаузе, либо та же ситуация в сочетании с другой зависимой от нее ситуацией, оформленной деепричастной клаузой.

Для мокшанского же языка мы сочли подходящим вариантом для проверки гипотезы конъюнктивную форму на *-l'*, поскольку данная форма может употребляться как в независимых контекстах, так и в зависимых финитных клаузах, что показательно для конструкции «*pəka* + *neg* + V». Диагностическими контекстами, как уже было сказано выше, стали предложения с каузально несвязанными и каузально связанными ситуациями. В первом случае зависимая ситуация является внешней по отношению к собственно главной ситуации и ее модальности, тогда как во втором при непосредственном временном соседстве может попадать в сферу действия модального оператора.

Картина употребления данных конструкций оказывается несколько иной, чем предполагалось изначально. Так, конструкция с формой *-mdə ingəl'ə*, для которой ожидалось ограничение на контекст каузаль-

но связанных ситуаций, как можно видеть из приведенных ниже примеров (16; 17), оказывается грамматичным в обоих контекстах, хотя и прагматически не совсем понятным во втором из них.

(16) *monɔbə ja ca-l'ə-n' sa-m-də-nzə ingəl'ə* (я бы есть-PQP-PST.1SG прийти-INF-ABL-1SG.POSS перед) 'Я бы ел, перед тем как он придет'.

(17) *'mon bə jarca-l'ə-n' topəd'-əm-də-n ingəl'ə* (я бы есть-PQP-PST.1SG насытиться-INF-ABL-1SG.POSS перед) 'Я бы ел, перед тем как наемся'.

Тем не менее очевидно, что в обоих случаях две ситуации отстоят друг от друга во времени и зависящая ситуация не попадает в сферу действия модального оператора.

Конструкции с непосессивным иллативом и эквативом должны были, исходя из нашего предположения, всегда оказываться внутри сферы действия оператора и, тем самым, обнаруживать ограничения уже на интерпретацию каузальной независимости. Так все и происходит, что показывают предложения типа (18). А вот конструкция с посессивно-иллативным вариантом инфитивной формы вопреки нашему предположению не имеет ограничений на употребление в данных контекстах и возможна вне сферы действия модальности (18; 19):

(18) *mon bə jarca-l'ə-n' son' sa-mə-zə-nzə /*sa-m-s /*sa-m-ška* (я бы есть-PQP-PST.1SG он.GEN прийти-INF-ILL-POSS.3SG/ -INF-ILL/ -INF-EQU) 'Я бы ел, пока он не пришел (= я бы ел до его прихода)'.

(19) *mon bə jarca-l'ə-n' topəd'-əmə-zə-n/topəd'-əms/topəd'-əm-ška* (я бы есть-PQP-PST.1SG насытиться-INF-ILL-1SG.POSS/ насытиться-INF-ILL/ насытиться-INF-EQU) 'Я бы ел, пока не наелся (= я бы ел и наелся)'.

Конструкция *pəka + neg + V*, которая считалась промежуточным вариантом по степени интегрированности зависимой клаузы, представлена в данных контекстах двумя вариантами. Первый, «копирующий» вариант, являет собой повторение в зависимой клаузе той же конъюнктивной формы, что представлена в главной. Такой вариант конструкции, подобно конструкциям с *-m-də ingəl'ə* и посессивно-иллативной формой инфинитива, ограничений не имеет (20; 21). Второй же, «некопирующий» вариант, предполагает употребление в зависимой клаузе форм претерита, что предположительно является калькой с соответствующей русской конструкции. В этом варианте ограничения в контексте (21), по всей видимости, связаны не со слабой интегрированностью конструкции, а с тем, что она выражает семантику отрицательной одновременности, делающую прочтение данного примера прагматически странным. Что же касается «копирующего варианта», то он действительно, как и *V-mə-zə-poss*, демонстрирует промежуточное поведение, в первом случае находясь вне

сферы действия оператора, а во втором – попадая под его действие.

(20) *mon bə jarca-l'ə-n' pəka son af-əl' /iz' sa* (я бы есть-PQP-PST.1SG пока он NEG-PQP.3SG /NEG.PST.3SG прийти.CN) 'Я бы ел, пока он не пришел (= я бы ел до его прихода)'.

(21) *mon bə jarca-l'ə-n' pəka af-əl'ə-n' /'iz'ə-n' topəd'-ə* (я бы есть-PQP-1SG пока NEG-PQP-1SG / NEG.PST-1SG насытиться.CN) 'Я бы ел, пока не наелся (= я бы ел и наелся)'.

Итак, мы приходим к выводу, что интегрированность зависимой ситуации в главную отражается не в полярной оппозиции попадания или непопадания конструкции в сферу действия модального оператора, а в том, насколько обязательно нахождение каждой из конструкций в этой сфере действия. В то время как наиболее интегрированные конструкции *V-m-s* и *V-m-ška*, всегда ограничены сферой действия модального оператора в главной клаузе, а наименее интегрированная *V-m-də ingəl'ə* не в ходит в данную сферу действия. Остальные же две конструкции – *pəka + neg + V* и *V-mə-zə-poss* – могут находиться как вне, так и внутри ее.

2. Оператор отрицания

Аналогичным образом – с использованием таких же диагностических контекстов – проверялось то, насколько зависимые клаузы данных конструкций попадают в сферу действия отрицания в главной клаузе. Проверялись все конструкции, кроме «*pəka + neg + V*», в составе которой уже есть отрицание, создающее определенные неудобства для анализа. В контексте каузально несвязанных ситуаций зависимая ситуация всегда является внешней по отношению к главной ситуации и отрицательному оператору, а в контексте каузально связанных может быть интегрированной в семантику главной ситуации и отрицаться вместе с ней (ср. 22 и 23). В первом случае истинность всего предложения определяется истинностью главной клаузы, тогда как во втором случае главная клауза может содержать недостаточную информацию, которая сама по себе ложна.

Как и в случае ирреально-модального оператора, зависимые клаузы с *-m-də ingəl'ə* могут употребляться в обоих контекстах с прагматической странностью второго, но ни в одном из случаев не попадают в сферу действия оператора.

(22) *mon af rabot-an tu-m-də-n ingəl'ə* (я NEG работать-NPST.1SG уйти-INF-ABL-1SG.POSS перед) 'Я не буду работать перед отъездом'.

(23) *'mon af rabot-an s'iz'ə-m-də-n ingəl'ə* (я NEG работать-NPST.1SG устать-INF-ABL-1SG.POSS перед) 'Я не буду работать, перед тем как устану'.

Что касается иллативных форм инфинитива, то употребление конструкций *s-m-s* и *-m-ška* так же ог-

раничивается контекстами предельного следования (24), где зависимая клауза попадает под отрицание. Конструкция же с посессивным вариантом иллативной формы по-прежнему возможна в обоих контекстах (25 и 25).

(24) *mon af rabot-an tu-mə-zə-n/ *tu-m-s/ *tu-m-ška* (я NEG работать-NPST.1SG /уйти-INF-ILL-POSS.1SG/ -INF-ILL/ -INF-EQU) 'Я не буду работать до отъезда (= совсем не буду работать)'.
(25) *mon af rabot-an s'iz'ə-mə-zə-n/ s'iz'ə-m-s/ s'iz'ə-m-ška {af lamə rabot-an}* (я NEG работать-NPST.1SG /устать-INF-ILL-POSS.1SG/ -INF-ILL/ -INF-EQU NEG много работать-NPST.1SG) 'Я не буду работать до усталости {немного поработаю}'.

Как видно, характер оппозиции, установленный нами при анализе сферы действия оператора конъюнктива, наблюдается и в этом случае, позволяя однозначно разграничить более и менее семантически интегрированные конструкции.

3. Оператор хабитуалиса

Еще одним оператором, сферу действия которого необходимо было проверить применительно к анализируемым конструкциям, является генерический оператор или, в более узком понимании, оператор хабитуалиса. Для этого использованный нами ранее диагностический контекст каузально несвязанных ситуаций был построен таким образом, чтобы было возможно варьирование однократной и многократной интерпретаций, при которой зависимая ситуация может как попадать, так и не попадать в сферу действия хабитуалиса. В этом случае ожидалось отсутствие каких-либо ограничений на употребление форм. Второй из контекстов был представлен в двух вариантах: с модификатором *optəm* 'совсем' и с глаголом *ser'əd'əms* 'заболеть', имеющим в данном контексте импликацию прекращения главной ситуации.

Как можно видеть из нижеследующих примеров, конструкции *-m-də ingəl'ə* (26–28) не имеют ограничений на употребление в данных контекстах. В (26), где не специфицирована единичность/множественность зависимой ситуации *уйти*, допускаются обе возможные интерпретации, тогда как в том случае, когда зависимая ситуация обязательно интерпретируется как однократная по прагматическим причинам, (27) и (28), конструкция может иметь единственное значение.

(26) *son jak-s'-əs' lavka-t'i tu-m-də-nzə ingəl'ə* (он ходить-IPFV-PST.3SG магазин-DEF.SG.DAT уйти-INF-ABL-3SG.POSS перед) 'Он обычно ходил в магазин перед отъездом (каждый раз уезжал/один раз уехал)'.
(27) *son jak-s'-əs' lavka-t'i optəm tu-m-də-nzə ingəl'ə* (он ходить-IPFV-PST.3SG магазин-DEF.SG.DAT совсем

уйти-INF-ABL-3SG.POSS перед) 'Он обычно ходил в магазин, перед тем как совсем уехать'.

(28) *son jak-s'-əs' lavka-t'i ser'əd'-əm-də ingəl'ə* (он ходить-IPFV-PST.3SG магазин-DEF.SG.DAT болеть-INF-ABL-3SG.POSS перед) 'Он обычно ходил в магазин, перед тем как заболеть'.

В случае финитных конструкций с *pəka* ограничений на употребление в данных контекстах тоже не обнаруживается (29–31). Невысокая степень интегрированности в данном случае проявляется в том, что в зависимой клаузе может иметься собственный хабитуальный оператор, что отражается в обязательном хабитуальном маркировании на зависимом предикате (29) и в единственности интерпретации.

(29) *son jak-s'-əs' magaz'in-u pəka iz'tu-šə-nd-ə* (он ходить-IPFV-PST магазин-LAT пока NEG.PST.3SG уйти-OBL-IPFV-CN) 'Он обычно ходил в магазин перед отъездом (каждый раз уезжал)'.
(30) *son jak-s'-əs' magaz'in-u pəka iz'tu* (он ходить-IPFV-PST магазин-LAT пока NEG.PST.3SG уйти-CN) 'Он обычно ходил в магазин перед отъездом (один раз уехал)'.
(31) *son jak-s'-əs' magaz'in-u pəka iz'ser'əd'-kst-ə* (он ходить-IPFV-PST магазин-LAT пока NEG.PST.3SG болеть-SMLF-CN) 'Он ходил в магазин, пока не заболел'.

Наконец, конструкции с падежными формами инфинитива в данных контекстах ведут себя по-разному. Посессивно-иллативная конструкция так же, как и конструкция с послелогом *ingəl'ə*, ограничений не обнаруживает (32, 33). Конструкции же с простым иллативной и эквативной формой инфинитива, помимо того, что ограничены контекстами с каузально связанными ситуациями (34, 35), обнаруживают большую семантическую интегрированность в том, что употребимы только в том случае, если зависимая ситуация находится внутри сферы действия хабитуального оператора (35, для сравнения взят глагол *torəd'əms насытиться*, прекращающий в отличие от *ser'əd'əms* не всю множественную ситуацию, а каждую из ее итераций).

(32) *son jak-s'-əs' lavka-t'i tu-mə-zə-nzə /*tu-m-s/ *tu-m-ška* (он ходить-IPFV-PST.3SG магазин-DEF.SG.DAT уйти-INF-ILL-1SG.POSS /уйти-INF-ILL /уйти-INF-EQU) 'Он обычно ходил в магазин перед отъездом (каждый раз уезжал/один раз уехал)'.
(33) *son jak-s'-əs' lavka-t'i optəm tu-mə-zə-nzə /*tu-m-s/ *tu-m-ška* (он ходить-IPFV-PST.3SG магазин-DEF.SG.DAT совсем уйти-INF-ILL-1SG.POSS /уйти-INF-ILL /уйти-INF-EQU) 'Он обычно ходил в магазин, пока совсем не уехал'.

(34) *son jak-s'-əs' lavka-t'i ser'əd'-əm-də-nzə /ser'əd'-əm-s/ /ser'əd'-əm-ška* (он ходить-IPFV-PST.3SG магазин-DEF.SG.DAT болеть-INF-ILL-1SG.POSS /болеть-INF-

ILL / болеть-INF-EQU) ‘Он обычно ходил в магазин, пока не заболел.’

(35) *son jaɾc-s'-əs'topəd'ə-mə-zə-nzə / topəd'-əm-s / topəd'-əm-ška* (он есть-IPFV-PST.3SG насытиться-INF-ILL-1SG.POSS/ насытиться-INF-ILL / насытиться-INF-EQU) ‘Он обычно ел, пока не наедался’.

Тем самым конструкции с простой иллативной и эквативной формами инфинитива являются «внутренними» по отношению к оператору хабитуалиса в главной клаузе и, соответственно, более интегрированными в главную клаузу, чем остальные три конструкции.

4. Промежуточные выводы

Рассматриваемые нами конструкции были проанализированы с точки зрения взаимодействия с семантическими операторами ирреальной модальности, отрицания и хабитуалиса в главной клаузе. Итоги распределения конструкций по попаданию в сферу действия операторов в зависимости от типа оператора представлены в табл. 1.

Как можно видеть из табл. 1, проведенный анализ подтверждает гипотезу о большей степени интегрированности конструкций с простой иллативной и эквативной формами инфинитива на фоне всех прочих конструкций.

Итоги и дальнейшие перспективы

Если сопоставить результаты анализа акциональных характеристик форм следования [1] с результатами анализа, представленного в настоящей работе (они представлены в табл. 2), можно однозначно констатировать наибольшую семантическую интег-

рированность в главную клаузу конструкций с простой иллативной и эквативной формами инфинитива и наименьшую – конструкций с послеложной формой, тогда как конструкции *pəka neg V* в *-mə-zə-poss* оказываются в промежуточном положении.

Каким же образом интерпретировать полученные данные? В самом деле, конструкции с падежными формами инфинитива демонстрируют большую интегрированность в семантику главной клаузы, чем послеложно-инфинитивная и финитная конструкции? Почему форма инфинитива с посессивным показателем ведет себя иначе, чем простые падежные формы?

Наиболее очевидное объяснение состоит в различии по степени семантической интегрированности зависимой клаузы в главную соответствует различиям в семантике данных конструкций. Конструкция с *-mdə ingəl'ə*, как мы установили, используется для выражения видов следования, не имплицитующих прерывания (контактного и дистантного), для которых нерелевантны внутренние семантические характеристики ситуаций, тогда как все остальные конструкции используются, напротив, для выражения семантически более тесно связанных прерывающих видов следования. Промежуточный же статус конструкции *-mə-zə-poss*, по всей очевидности, проявляется ее употреблением во всех трех значениях. Тем не менее конструкция с *pəka neg V* не вписывается в данное объяснение: по семантике она попадает в одну группу с наиболее интегрированными падежно-инфинитивными конструкциями, а степень интегрированности у нее по результатам обоих тестов скорее средняя.

Т а б л и ц а 1

Попадание конструкций в сферу действия операторов главной клаузы

Оператор	-mdə ingəl'ə	pəka neg V	-mə-zə-poss	-m-s	-m-ška
Ирреальная модальность	Никогда	Вариативно	Вариативно	Всегда	Всегда
Отрицание	Никогда	Вариативно	Вариативно	Всегда	Всегда
Хабитуалис	Вариативно	Вариативно	Вариативно	Всегда	Всегда

Т а б л и ц а 2

Сравнение результатов двух анализов

Параметр	Вариативность значения по акциональным классам [1]	Попадание в сферу действия операторов	Интегрированность
Конструкция			
-mdə ingəl'ə	Следование	Никогда/вариативно	Низкая
pəka neg V	Следование / отрицательная одновременность	Вариативно	Средняя
-mə-zə-poss	Следование / одновременность / оба	Вариативно	Средняя
-m-s	Следование / одновременность / оба	Всегда	Высокая
-m-ška	Следование / одновременность / оба	Всегда	Высокая

Можно предположить действие и другого фактора более формального характера: существует корреляция между семантической интегрированностью и финитностью. По признаку финитности *päka neg V* противопоставлена всем остальным конструкциям. Таким образом, нефинитные конструкции, лишенные синтаксической и семантической самостоятельности, в отличие от *päka neg V* оказываются теснее связаны с семантикой главной клаузы. Помимо этого, данный фактор также подтверждает осмысленность отдельного рассмотрения конструкций с формами *-m-s* и *-m-ška*, у которых отсутствуют посессивные маркеры субъектного согласования, тогда как наличие таковых, если следовать Томасу Гивону [8, р. 352], свидетельствует в пользу большей финитности и, соответственно, меньшей интегрированности.

На основании этих рассуждений можно заключить, что таксисная семантика зависимой клаузы взаимодействует со степенью ее финитности. Чем более «контактным» таксисным отношением связаны две ситуации, тем более интегрированной будет одна из них в другую в структурном смысле и, соответственно, тем менее финитными средствами она будет кодироваться. На наш взгляд, градуальный поход к взаимосвязи таксиса и финитности, имеет большую объяснительную силу, чем существующие теории Ленинградской типологической школы, опирающиеся на бинарное понимание финитности (см., например, [2; 15]). Стоит оговориться, что на данный момент наши выводы основываются только на одном из таксисных отношений – следовании – и на материале лишь одного языка, оставляя впереди множество разных вопросов, требующих детального изучения. К примеру, существует ли та же корреляция в языках с равноупотребительными финитной и нефинитной стратегией (например, в русском: *до его ухода vs. до того как он ушел*)? Существуют ли языки, в которых финитная стратегия является единственной; имеются ли в них какие-то способы для различения разных типов таксисной семантики? Есть и теоретические вопросы. Применение данного анализа к семантической зоне предшествования как будто не должно вызвать особых проблем (ситуация предшествования в некотором смысле «зеркальна» ситуации следования), тогда как отношение одновременности всегда подразумевает наложение двух ситуаций во времени; неясно, каким именно в последнем случае должно быть семантическое отражение различия в интегрированности (ср. *когда он разговаривал vs. разговаривая*).

СОКРАЩЕНИЯ

ABL – аблатив, CMPR – экватив, CN – коннегатив, CONV – деепричастие, DAT – датив, DEF – определен-

ность, DIM – диминутив, EL – элатив, EQU – экватив, GEN – генитив, HAB – хабитуалис, ILL – иллатив, IN – инэссив, INF – инфинитив, IPFV – имперфектив, LAT – латив, NEG – отрицание, NPST – непрошедшее время, O – объект, PL – множественное число, PASS – пассив, POS – позиция, POSS – посессивность, PQP – плюсквамперфект, PST – прошедшее время, S – субъект, SG – единственное число, 1, 2, 3 – лицо

ЛИТЕРАТУРА

1. Муравьев Н. А. Темпоральные конструкции следования и глагольная акциональность в мокшанском языке / Н. А. Муравьев // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 3. – С. 77–84.
2. Храковский В. С. Такис : семантика, синтаксис, типология / В. С. Храковский // Типология таксисных конструкций / ред. В. С. Храковский. – М., Знак, 2009. – С. 11–113.
3. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков разных стран. – М., 1972. – С. 75–113.
4. Маслов Ю. С. Избранные труды : Аспектология. Общее языкознание / Ю. С. Маслов ; сост. и ред. А. В. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плулган. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 25–27.
5. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. – М. ; Вена, 1998. – Т. II. – 544 с.
6. Храковский В. С. Категория таксиса (общая характеристика) / В. С. Храковский // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 32–54.
7. Kortmann B. Adverbial subordinators in the languages of Europe / B. Kortmann // van der Auwera, Johan & Ó Baoill, Dónall P., (eds.). Adverbial Constructions in the Languages of Europe. Empirical approaches to language typology 20-3. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1998. – P. 457–561.
8. Givón T. Syntax : An introduction, vol. 2, John Benjamin's Publishing / T. Givón. – Amsterdam, 2001. – 406 p.
9. König E. The meaning of converb constructions / E. König // Martin Haspelmath, Ekkehard König (eds.). Converbs in Cross-Linguistic Perspective. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1995. – P. 57–95.
10. Серебрянников Б. А. Историческая морфология мордовских языков / Б. А. Серебрянников. – М. : Наука, 1967. – 266 с.
11. Евсевьев М. Е. Избранные труды в пяти томах. Том четвертый : Основы мордовской грамматики / М. Е. Евсевьев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1863. – 471 с.
12. Сердобольская Н. В. Конструкции с синтаксическими актантами в финно-угорских языках / Н. В. Сердобольская [и др.] // Финно-угорские языки : фрагменты грамматического описания. – М. : Studia Philologica, 2012. – С. 382–469.

13. Коляденков М. Н. Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. 1: Фонетика и морфология / М. Н. Коляденков. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1962. – 376 с.

14. Пазельская А. Г. Обстоятельственные предложения / А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский // Мишарский

диалект татарского языка : очерки по синтаксису и семантике. – Казань : Магариф, 2007. – С. 38–82.

15. Бондарко А. В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики : Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. – Л., 1987. – С. 234–232.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Муравьев Н. А., аспирант кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики

E-mail: nikita.muraviev@gmail.com

Тел.: 8-916-334-23-18

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Muraviev N. A. Post-graduate Student of the Fundamental and Applied Linguistics Department

E-mail: nikita.muraviev@gmail.com

Tel.: 8-916-334-23-18